

РАЗЫСКАНИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2024-3-77-91

М. В. Григорьева¹

Государственный музей К. А. Федина (Саратов, Россия)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУППА «СЕРАПИОНЫ БРАТЯ» В ОСМЫСЛЕНИИ К. А. ФЕДИНА

Статья посвящена исследованию отношения К.А. Федина к литературной группе «Серapiионовы братья», участником которой он являлся. К анализу привлечены эго-документы из архива писателя – дневники и письма 1921–1966 гг., в том числе и не опубликованные ранее. Рассматриваются вопросы, связанные с оценкой влияния серapiионов на творчество Федина, а также его восприятия ключевых моментов истории содружества.

Ключевые слова: Константин Федин, Серapiионовы братья, эго-документы, дневники и письма писателя

M. V. Grigoryeva

State Museum of K.A. Fedin (Saratov, Russia)

THE LITERARY GROUP «THE SERAPION BROTHERS» IN THE COMPREHENSION OF K. A. FEDIN

The article is devoted to the study of K. A. Fedin's attitude to the literary group "The Serapion Brothers", of which he was a member. Ego-documents from the writer's archive – diaries and letters of 1921–1966, including those not published earlier – are involved in the analysis. The questions related to the assessment of the influence of the Serapions on Fedin's work, as well as his perception of key moments in the history of the brotherhood are considered.

Keywords: Konstantin Fedin, the Serapion Brothers, ego-documents, diaries and letters of the writer

История создания и деятельность литературной группы «Серapiионовы братья» достаточно подробно изучена современными отечественными и зарубежными исследователями. Проанализированы произведения и выступления входивших в нее писателей, оценены критические работы 1920-х гг., посвященные группе, определена позиция власти в отношении серapiионов, частично изучена и введена в научный оборот переписка некоторых участников.

¹ Мария Валерьевна Григорьева – директор ГУК «Государственный музей К. А. Федина», аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики ФГБОУВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия), maria.grig2010@yandex.ru.

В совокупности эти материалы позволяют создать довольно полную картину активной жизни этого сообщества. Однако обращение к дневникам и письмам К. А. Федина дает нам возможность изучить бытование группы «изнутри», с точки зрения самого участника, а также оценить его индивидуальное восприятие многих уже известных фактов.

Дневниковые записи Федина времен активной жизни литературного общества «Серапионовы братья» в целостности до нас не дошли. Сохранились отдельные страницы, написанные в 1920–1921 гг., с записями о знакомстве и общении с Горьким. На этих листах уцелели фрагменты, свидетельствующие о начале знакомства Федина с серапионами. Они дают нам возможность восполнения фактографических лакун в истории содружества. Так, из частично сохранившейся фразы на оборванном листе мы можем более точно установить время вхождения Федина в группу: «... <Слонимский – М. Г.> распростертыми объятиями принимает меня в лоно серапионов, с гордостью констатируя, что все серапионы, принимавшие участие в конкурсе, удостоились премии» [Федин, 1992, с. 157]. Точную датировку этого фрагмента мы определить не можем, но предыдущая и последующие записи сделаны 24 апреля и 8 мая 1921 г. соответственно. В Собрании сочинений писателя в разделе «Основные даты жизни и творчества» указано, что он входит в группу в феврале 1921 г., в других источниках – в марте² или весной. Но, исходя из приведенного фрагмента, можно достаточно точно установить момент принятия Федина в ряды серапионов. В этом первом сохранившемся упоминании сразу же находит отражение и важное событие в литературной биографии Федина – получение первой премии на конкурсе Дома литераторов с рассказом «Сад».

Хорошо известны воспоминания участников группы о появлении названия «Серапионовы братья». Многие мемуаристы (М. Слонимский, Н. Чуковский, Е. Полонская) говорят о случайности такого выбора, связывая его только с тем фактом, что одноименная книга Э. Т. А. Гофмана лежала на столе в комнате Слонимского в Доме искусств, где проходило первое собрание молодых писателей. Однако, в комментариях к машинописным копиям писем М. Горького, которые Федин готовил к сдаче в Архив М. Горького при ИМЛИ, он делает уточняющее замечание:

«Серапионы – кружок молодых писателей, возникший 1 февраля 1921 года в “Доме Искусств”, в Петрограде, и принявший название “Серапионовы братья” – по одноименному циклу новелл Э. Т. А. Гофмана. Название всплыло на базе аналогии с “серапионами” 30-х годов XIX века – молодыми петербургскими литераторами, почитателями Э. Т. А. Гофмана, устраивавшими “се-

² Так Федин указал в комментариях к машинописным копиям писем к нему М. Горького, которые он готовил к сдаче в Архив М. Горького при ИМЛИ // ГМФ 48530 (Здесь и далее даются указания на учетные номера предметов основного и научно-вспомогательного фондов Государственного музея К.А. Федина).

рапионовские вечера”, на которых они читали друг другу свои сочинения»³. Действительно, такое явление существовало в жизни Петербурга 1830-х гг., подтверждение чему находим в воспоминаниях И. И. Панаева: «В описываемое мною время кроме литературных собраний, о которых я упомянул (у П. А. Плетнева, Ф. П. Толстого и В. Ф. Одоевского. – М. Г.), были еще известные немногим литературные небольшие сходки любителей, еще, так сказать, домашним образом занимавшихся литературой. <...> Они назывались серапионовскими вечерами (Гофман у нас был тогда в большом ходу). На этих вечерах наши серапионы читали по очереди свои сочинения» [Панаев, 1988, с. 134–135]. Отметим, что больше никто из петроградских серапионов не упоминал о такой аналогии, но, следуя этим, уже заложенным предшественниками, традициям, они горячо приняли идею чтения и обсуждения сообща только что написанных произведений.

Однако не все участники ограничивались только этой формальной стороной общения. Б. Фрезинский делает акцент на позиции Л. Лунца – неофициального лидера группы: «То, что Лунц воспринял название группы нешуточно, как и программу гофмановских рассказчиков, перенося ее в жизнь питерского сообщества – несомненно, и это видно из текста его знаменитой статьи “Почему мы Серапионовы братья”» [Фрезинский, 2003, с. 16]. Хотя в деятельности литературной группы отсутствовала единая идейная платформа, статья Лунца была воспринята как манифест Братства – публичное объявление собственных принципов, намерений, программ. По мнению Е. Г. Елиной, этому поспособствовал выбранный Лунцем стиль, продиктованный самой эпохой, предполагающий использование декларативности, призыва, лаконизма рубленой фразы, рассчитанный не на индивидуальное, а на обобщенное восприятие: «Категорически борясь с любым проявлением обязательности, одинаковости, общности в художественном творчестве, Лунц делает это, прибегая к эстетике сформированного в первые послереволюционные годы “большого стиля” советской публицистики, пропитанного идеями массовости и единения» [Елина, 2011, с. 28].

Считываемая многими современниками «программность» статьи Лунца породила миф о нарочитой аполитичности группы: «С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?»

С кем же мы, Серапионовы Братья?

Мы с пустынным Серапионом» [Лунц, 1922, с. 30–31].

В поддержку этого постулата работали и опубликованные в № 3 журнала «Литературные записки» за 1922 г. автобиографии братьев, их публицистические выступления тех лет. Однако это не означало полного ухода от по-

³ Горький М. Письма К. А. Федину 1923–1936. Машинописная копия // ГМФ 48530. С. 71.

литических и социально-экономических реалий: «Петроградские серапионы не могли оказаться вне политики, как не оказались вне политики и немецкие Серапионовы братья. Речь шла о необходимости сопротивления давлению внешних сил, стремящихся исказить внутреннее содержание творчества членов группы» [Коновалова, 2011, с. 247].

Не сразу стал известен тот факт, что многие серапионы были не согласны с высказываниями Лунца. Л. Ю. Коновалова считает, что позицию несогласия серапионы высказывали как сразу после опубликования статьи, так и несколько десятилетий спустя: «В начальные годы существования, несмотря на все кажущиеся разногласия и жаркие споры относительно конкретных литературных проблем и терминов, в группе, несомненно, существовало единство <...> согласно этике братства, Л. Лунц не имел права публиковать статью, не согласовав ее с остальными братьями» [Коновалова, 2010, с. 82].

В эго-документах Федина поздних лет мы находим свидетельства отношения участников к так называемому «манифесту». 6 января 1965 г., отвечая на вопросы литературоведа А. Д. Зайдман, связанные с историей взаимоотношений Горького и серапионов, Федин замечает: «А ведь в действительности ни один из Серапионовых братьев не знал и не ведал, что написал Лунц... до того, как написанное было напечатано. <...> Это, пожалуй, самый интересный миф об истории Серапионовых братьев – пресловутая статья Лунца “Почему мы Серапионовы братья”, фигурирующая у литературоведов все еще как “Программа” Серапионовых братьев» [Федин, 1986, Т. 12, с. 518]. Еще раньше эта тема поднималась в переписке со Вс. Ивановым. Во время переработки автобиографии «История моих книг» Иванов уточнял у Федина некоторые ключевые моменты истории группы. В письме от 20 сентября 1958 г. Федин подчеркивает (в прямом и переносном смысле) факт единоличного авторства «манифеста»: «Милый Всеволод, в данном случае на меня положиться можешь: статья Лунца <...> была подписана только Лунцем (подчеркнуто автором – М. Г.). Я был в числе недоумевающих Серапионов, когда прочитал эту статью в “Литературных записках”: почему Лунц нам ее даже не прочитал, прежде, чем опубликовать?!» [Федин и его современники, 2016, с. 318].

Для эго-документов Федина ранних лет были характерны записи, свидетельствующие о группе как объединении, без акцентирования внимания на отдельных участниках. Серапионово братство предстало единым сплоченным организмом. Федин много размышлял о том, насколько значимой для его писательской биографии была причастность к этому литературному объединению. В письме своему близкому другу И. С. Соколову-Микитову от 19 сентября 1922 г. он делится трудностями написания первого романа, пытается определить степень воздействия серапионов на свой творческий метод: «Серапионовцы влияли и влияют на меня благотворно и пагубно. Первое потому, что они выучили и учат меня быть строгим к себе и экономным в средствах. Второе потому, что я ничего не могу сделать непосредственно, всё оцениваю формально, смотрю на материал (на чувство) сквозь форму, через форму. Дру-

гими словами, стою на распутье Пильняка–Белого–Ремизова и Бунина–Чехова–Толстого. Писать можно разное, но кто знает, как нужно писать? Материал (содержание) определяет форму, и форма обуславливает содержание. Но ведь определенный материал может быть изображен с преобладанием конструкции или ритма. В самой форме, определенной материалом в целом, внутри самой формы заложены бесчисленные возможности. Так в живописи я избираю плакат: плакат есть форма, которая единственно может изобразить мой материал; но как сделать плакат? Для этого ведь нет никаких законов. Я волен взять любую фактуру – краску, уголь, карандаш. Я думаю, что между любыми литературными антиподами очень много формального (!) сходства, только они пользовались разными фактурами» [Свела нас Россия, 2008, с. 13]. Так собственный творческий метод Федина формировался на фоне самобытности и неповторимости каждого серапиона.

Много лет спустя, в 1951 г., размышляя о прочитанных письмах Ж. Санд, адресованных Г. Флоберу, Федин вспоминает о тех проблемах, которые волновали всех «братьев» на заре их писательской юности. «Надо было это прочитать гораздо раньше, лучше всего – в эпоху серапионов: может быть я скорее решил бы некоторые вопросы, которые лишь не так давно стали мне вполне ясны. Это – о “чрезмерном значении, придаваемом словам (здесь и далее в цитате выделено автором. – М. Г.)”; о форме, которую Жорж Санд считает даже не “средством”, но “следствием” мыслей и чувств, накопленных в мозгу и в сердце (т.е. содержания); о том, что “читатель прежде всего хочет понять наш замысел”; о том, что невторжение “личных взглядов автора в литературу” является “скорее отсутствием убеждений, нежели эстетическим принципом”.

Споры о “невторжении” были главным содержанием собраний на Мойке в 1921–1924 гг. ...» [Федин, 1986, Т. 12, с. 227–228].

Федин горячо отстаивал то, что являлось объединяющим началом даже при всех противоречиях внутри группы. «Серапионовцы по-разному (подчеркнуто автором. – М. Г.) идут к одной и той же цели: оживлению русского повествования. Тут разные силы приложены к одной точке. Один работает над сюжетом (и перегибает палку – Лунц, кричащий “На запад!”), другой – над словом (и тоже худо – Никитин, которого не понимаешь без подстрочника), третий – над фольклором (Зощенко), над пересадкой на русскую почву германской фабулы (Каверин). Достичь идеального уместения наибольшего числа элементов, из которого слагается повесть, в одном произведении – вот цель, смысл, оправдание нашей работы» [Федин, 1986, Т. 11, с. 36].

В дневниковой тетради, охватывающей период с 1928 по 1935 гг., сохранился фрагмент рабочих набросков – возможного предисловия к сборнику повестей и рассказов. В них Федин, анализируя сделанное им в литературе, упоминает период до 1925 г. как «эпоху сплоченной работы серапионов»⁴.

⁴ РГАЛИ Ф. 1817. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1–103.

Одновременно в этих размышлениях он подчеркивает свою дистанцированность от товарищей по группе, поясняя, что, хотя и является советским литератором с общественным темпераментом и живой связью с действительностью, но воспитан старой дореволюционной школой. «Они (раск<азы>) характерны в том отн<ошении>, что показ<ывают>, насколько дифференцированно следует оценивать работу серап<ионов>, обычно признаваемой формалистск<ой>. – Я – реалист, критич<еской> реалист<ической>традиц<ии?>»⁵. Осознание индивидуального, самобытного, отличного от других участников группы пути в литературе значимо для Федина, и это не раз будет подчеркиваться писателем.

Важной для Федина темой становится сама история «братства». Сближения и разногласия, воспоминания о прекрасных совместных заседаниях и посиделках и отчуждение Серапионов друг от друга – все это становится импульсом для размышлений о причинах разлада в группе, а потом и ее распада.

С 1929 г. в дневниках можно найти упоминания о праздновании годовщин образования Серапионова братства. К этому времени группа считалась уже прекратившей свое активное существование, конец ее связывали со смертью в 1924 г. одного из организаторов и главного идейного вдохновителя Братства – Льва Лунца. В записи от 3 февраля 1929 г. Федин не просто дает внешнюю обрисовку этого вечера, он фиксирует витающее в воздухе, но не высказанное вслух участниками ощущение бесповоротного отдаления: «Первого – годовщина серапионов. Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо. Обычные гости – формалисты и даже Шкловский в числе них – не мешали и, кажется, веселились вместе с нами. Правда, ни слова о серьезных вопросах, ни одного повода к столкновению. Вероятно, не без умысла: чувство какого-то окончательного раздела помешало возникнуть спорам, хотя бы в начале вечера, и внутренне все были рады, что встреча протекла на пустяках. <...> Но вот теперь Слонимского попросили написать статью о серапионах, и он кается мне в том, что писать не о чем, что говорить правду – значит признать распад, а не признавать его – значит лгать. Ничего не остается делать, как вспомнить прошлое и помянуть лишний раз покойника Лунца. Он умер “символически” – говорит Слонимский – в начале развала серапионов, и унес с собою наше “единство”. Вероятно, это так» [Федин, 1986, Т. 12, с. 35].

Ранний уход из жизни Лунца был, скорее всего, одной из главных внутренних причин распада⁶.

Между тем во второй половине 1929 г. возникает попытка возрождения серапионов на базе Издательства писателей в Ленинграде (ИПЛ). Серапионы во главе с Фединым и Слонимским еще в 1926 г. после закрытия альманаха «Ковш» стали хлопотать о создании собственного издательства. Планирова-

⁵ Там же.

⁶ Как утверждает Е. Лемминг: «Смерть Льва Лунца и впрямь знаменовала конец культурной эпохи. Братство переродилось в литературный кооператив, общность духовная сменилась общностью деловых интересов» [Серапионовы братья в зеркалах переписки, 2004, с. 6].

лось, что книгоиздательство, председателем правления которого был избран Федин, будет ориентироваться на выпуск книг современных прозаиков и поэтов, критической и мемуарной литературы. Документальную историю работы издательства изучали Н. П. Лавров, Т. М. Таллерчик⁷, Е. В. Наумова⁸, Т. А. Кукушкина⁹, И. Э. Кабанова, А. С. Касович, Е. В. Познякова¹⁰, Т. Б. Семенова¹¹ и др. Однако из личных записей Фебина мы в полной мере узнаем о тех внутренних побудительных мотивах, которые двигали основателями ИПЛ. В дневнике 27 июня 1929 г. Федин фиксирует уже высказанное в письме Слонимскому предложение вести работу издательства так, чтобы оно стало естественным литературным центром в Ленинграде. Для этого, считал Федин, нужно сплоченное руководство издательством именно серапионовской группой в противовес фракции формалистов. «Наша задача, – писал Федин, – должна быть аналогичной задаче “старых” серапионов: мы – содружество, мы – общество, но мы не школа» [Константин Федин и его современники, 2018, с. 401–402]. Как видим, Федин искренне стремился продлить жизнь серапионов, вдохнуть их идеи в работу нового объединения.

По частоте возникающих на страницах эго-документов рефлексий мы замечаем, что для Фебина было не просто важным, а «вдохновляющим» то обстоятельство, что на базе ИПЛ возможно возрождение серапионов. 15 июля 1929 г. Федин воспроизводит в дневнике большой фрагмент письма Слонимского о работе издательства, подчеркивая таким образом, насколько точно эти слова отражают и его собственные настроения: «... иллюзию серапионовского братства надо сохранять. Бездарно и грубо ставить последнюю точку, ибо я убежден, что серапионовский дух – это лучшее, что есть в каждом из нас. В конце концов, это бескорыстный, “идейный” интерес к искусству, без суетных мыслей о гонораре, славе и прочих отличных вещах. Если этого “духа” лишиться – то надо откровенно и прямо стать Лидиным или Слезкиным. Даже Никитин становится хорошим человеком, когда говорит о серапионах. <...> Но о возрождении серапионов в прежнем виде нечего и говорить. Надо только бережно охранять то, что еще живо, и для этого воспользоваться нашим издательством» [Константин Федин и его современники, 2018, с. 408].

⁷ Лавров Н. П., Таллерчик Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928–1934) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 36. М., 1978. С. 92–103.

⁸ Наумова Е. В. «Издательство писателей в Ленинграде» – предтеча ленинградской редакции «Советского писателя» // Триста лет печати Санкт-Петербурга: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 204–211.

⁹ Кукушкина Т. А. «Издательство писателей в Ленинграде»: последняя институция попущничества // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Фебина. Сборник науч. статей. Саратов, 2018. С. 339–347; Кукушкина Т. А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды // Русская литература. 2020. № 2. С. 170–182.

¹⁰ Кабанова И. Э., Касович А. С., Познякова Е. В. Константин Федин. Портрет издателя // Вопросы литературы. 2018. Март–апрель. С. 92–126.

¹¹ Семенова Т. Б. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» // Константин Федин и его современники. Фебинские чтения. Вып. 5. Саратов. 2013. С. 150–164.

Тема воскрешения содружества усиливается в дневниковой записи от 24 ноября 1929 г.: «За истекшие две недели самое главное – возрождение Серапионова братства. Вчера первое “исполнительное” заседание у Никитина. Читал Зоценко – “Сирень цветет” и маленькие рассказы. Единодушное полное. Перед этим – неделю назад – организационное собрание у меня <...> На этом собрании отыскана “база” для реставрации: борьба за качество литературы, т.е. то же, что нас объединяло и девять лет назад¹². Разногласия общественные, тактические остаются в стороне. Работа снова переносится в формальную плоскость, и здесь группировка сил остается неизменной и, конечно, неминуемо должна привести к новому распаду» [Федин, 1986, Т. 12, с. 43–44]. Далее Федин пишет о том, что деятельность современных литературных организаций свелась к голой политике и бюрократии, а «все стосковались по писательской работе и писательскому общению» [Федин, 1986, Т. 12, с. 43–44]. Ностальгически, с отсылкой к ранним годам серапионов, звучит упоминание о том, что в среде попутчиков затевается новое, чисто литературное движение – группа «Современники», куда войдут О. Форш, М. Козаков и др. – как противовес общественной деятельности.

На страницах дневников Федина отражены его впечатления о еще не законченной книге О. Д. Форш «Сумасшедший корабль» с рассказом о годах, когда в Доме искусств зарождались серапионы. Прежде чем книга была напечатана отдельным изданием, фрагменты читались автором на различных встречах и вечерах в кругу общих знакомых. Федин вспоминает один из визитов к Форш: «Она кончает “Корабль” серапионами, которые представляются ей гомункулюсом – одна голова, отсутствие чувств, задавленных войной, голодом. Если считать самым характерным в серапионстве “каверинизм”, то характеристика верна. Меня и Всеволода Ф<орш> считает чужеродным телом в серапионстве» [Федин, 1986, Т. 12, с. 51]. Федин не принял такой литературный портрет братьев, пытаясь в дискуссии с автором доказать несостоятельность ее позиции. 31 октября 1930 г. он документирует свои впечатления: «Форш читала конец “Корабля”. Были Груздевы. Спор о серапионах. На следующий день Форш у меня. Ей что-то не ясно, она боится перессориться с современностью, больше всего – с серапионами. Я говорю ей, что “серапионов” нужно дифференцировать, иначе она запутается. Ведь серапионы – “единство противоречий”. Нас объединило время. <...> Наше сожительство может быть объ-

¹² Сравним: «Искусству же нужна идеология художественная, а не тенденциозная, подобно тому, как государственной власти нужна агитация открытая, а не замаскированная плохой литературой» (Ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому // Жизнь искусства. 1922. 28 марта). Или в статье Лунца «Почему мы Серапионовы Братья», задуманной как манифест группы (но не признанным таковым остальными членами братства): «<...> мы требуем одного: произведение должно быть органичным, реальным, жить своей особой жизнью. Своей особой жизнью. Не быть копией с природы, а жить наравне с природой <...> Мы верим, что литературные химеры особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует потому, что не может не существовать» [Литературные записки. 1922. № 3. С. 31].

яснено только дедуктивно. Надо идти от общего, от времени, от эпохи. Эпоха объяснит наше “единство”. Но этого мало. Теперь уже можно оценить дифференцированных серапионов. Все вместе они послужили “мостом”, по которому литература дореволюционная общественно перешла в литературу революции. Но только немногие из них (или – из нас) послужат мостом для перехода в будущее собственно литературы, литературы, как искусства, а не как общественной функции. Тут-то и нужна дифференциация» [Федин, 1986, Т. 12, с. 51–52]. По свидетельству Федина, этот разговор закончился тем, что Форш, взяв у Федина его книги, пошла править рукопись. В окончательной печатной редакции фрагмент, связанный с Серапионами, явно имеет отголоски этой беседы: «Эти молодые оказались в те дни представителями почти всех форм литературы, удельный же вес каждого определился только теперь, когда некоторые из них уже накануне того, чтобы, взяв под мышку Собсоч. прошагнуть в историю литературы. Но это особая тема.

Сейчас речь только о тех днях, когда в их кружке дифференциации не было и все скопом пришли на “огонь”» [Форш, 1931, с. 59].

До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о дате прекращения деятельности этой литературной группы. Традиционно принято говорить о трех годах активных встреч, которые завершились в 1924 г. после смерти Лунца. Другие рассматривают пять лет, в течение которых проходили регулярные собрания. Слова, написанные Горьким Федину в письме от 28 января 1926 г., ставят на этом этапе своеобразную точку: «Да, вы, “Серапионы”, история литературы. В невероятно трудные годы, в условиях отчаянно тяжелых, вы сумели остаться “свободными художниками” именно “вопреки законодателям вкусов”, как Вы пишете, вопреки создателям канонов или – точнее кандалов для души. Это заслуга немалая. Ее – не забудут» [Литературное наследство, 1963, Т. 70, с. 502]. Последняя вежа – уже упоминаемая попытка возрождения серапионов на базе ИПЛ в 1929 г.

В преддверии одиннадцатой серапионовской годовщины Федин, находящийся на лечении в Давосе, обращается с просьбой к жене Д. С. Фединой: «Будь добра, позвони 1-го февраля Мише Слонимскому и скажи, что, мол, Костя запрашивает, существуют ли серапионы хотя бы настолько, чтобы пить вместе водку (на большее, мол, он и не рассчитывает)»¹³. Несмотря на игривый тон в этом послании степень серьезности волновавшего его вопроса не вызывает сомнений. Одновременно он отправляет письмо Слонимскому: «Милый Миша, скажи, существуют ли Серапионы? <...> Если ты захочешь (всерьез или в шутку) принять поздравление – значит, серапионы существуют (всерьез или в шутку). Если же ты почувствуешь потребность объяснить мне разительное несоответствие серапионовской традиции духу времени <...> я буду знать, что серапионов нет даже в шутку» [Константин Федин и его современники, 2018, с. 448–449].

¹³ Федин К. А. Письмо Д. С. Фединой. 19–20 января 1932 г. // ГМФ 33586.

Б. Фрезинский считает, что сами серапионы свой распад предчувствовали гораздо раньше, еще до первой кризисной точки – смерти Лунца. В качестве примера он приводит письмо Лунца Н. Берберовой от 24 января 1923 г.: «Должен Вам сообщить очень горькую для меня новость: серапионы разваливаются. Медленно, но неуклонно. Часть вышла в знаменитые писатели и тяготеет „партийным яром“. Но ведь партийности-то у нас нет. Всѐ одно: не клеятся больше наши „субботы“, не все приходят. Я в отчаянии. <...> Ну, да будем надеяться, что это временно. Я твердо знаю: разойтись мы не можем — слишком крепко спаяны. Серапионы трещат, но развалиться не могут. Будем ждать» [Лунц, 2003, с. 560]. Подобное утверждение находим в письме Федина Лунцу, к тому времени уже уехавшему в Гамбург, от 21 июня 1923 г.: «Нам грустно, что серапионов не стало. У Полонской по средам никого нет <...> Это, кажется, все» [Лунц, 2003, с. 572]. Однако вскоре обстановка в группе снова переменилась: «У серапионов стало хорошо, – пишет Федин Лунцу 11 ноября 1923 г. – <...> Следующую Среду посвящаем серапионам. Илья (Груздев. – М. Г.) говорит обо всех и каждом – “итоги”, – а мы рассказываем о том, чем каждый из нас обязан серапионам. Вечер интимный, дружеский и проч<ий>. Хорошо» [Лунц, 2003, с. 636]. На таком же подъеме чувств серапионы встретили свое трехлетие. 2 февраля 1924 г. Федин пишет Лунцу длинное письмо, в каждой строчке которого читается не просто искренняя необходимость поделиться с отсутствующим собратом атмосферой праздничного вечера, а желание еще раз пережить восторг воплощения идеи братства: «Дорогой, милый Левушка. Пишу с похмелья, под живым впечатлением вчерашнего вечера. Твои “Хождения” произвели на всех непередаваемое действие. Все говорят, что ты был центром юбилея. Виктор (Шкловский. – М. Г.) <...> считает, что ты “оправдал” весь вечер. Словом, нет возможности передать тебе всех похвал и восторгов. Мое личное мнение: “Хождение” осмыслило наше братание на трехлетии, придало ему нужность, еще раз дало всем понять, что “мы не товарищи, а братья”!» [Лунц, 2003, с. 672] Используя цитату из статьи Лунца «Почему мы Серапионовы братья», Федин подчеркивает одно из принципиальных отличий группы от всех остальных литературных объединений – лежащую в его основе высокую идею человеческого братства, основанного на принципах свободы и взаимного уважения, свободного от идеологии и конъюнктурности. Л. Ю. Коновалова считает, что даже в условиях ограничения реализации идеи братства сферой литературы и искусства, серапионы стали символом невозможного: «Быть свободным от неприятия точки зрения другого брата, его эстетического кредо и литературных пристрастий оказалось не менее сложным, чем быть свободным от политических и идеологических установок и требований своего времени» [Коновалова, 2021, с. 55]. По ее мнению, только Лунц в чистом виде воспринял эту идею, для всех остальных серапионов отношения внутри группы очень скоро переросли просто в дружеские. Согласимся с ней, приведя в качестве примера несколько высказываний Федина. Исследователь Гари Керн эпиграфом к своей

магистерской диссертации «Лев Лунц, Серапионов брат»¹⁴ взял слова Федина, дописанные им на письме Л. Б. Харитон Л. Н. Лунцу от 6 декабря 1923 г.: «Дорогой Левочка <...> Ты прекрасный, один и единственный серапион! Все остальные – суррогат» [Лунц, 2003, с. 645]. Очевидно, так он акцентировал внимание на том, что именно Лунц был проводником идеи братства для остальных членов группы, именно Лунц вместо автобиографии опубликовал ставшей «программной» статью «Почему мы Серапионовы братья». Свою оценку взаимоотношений членов группы Федин дал в письме Горькому от 28 августа 1922 г.: «... кажется, не было в России ни одной литературной группы, которая держалась бы так долго на одной дружбе (школы бывали, направления – тоже, но ведь у нас ни школ, ни направлений!)» [Литературное наследство, 1963, Т. 70, с. 467]. Или в письме тому же Горькому от 16 января 1926 г., написанном в преддверии пятой годовщины братства: «К этому сроку все заново сошлись, по-новому все поняв и пересмотрев. <...> Но я чувствую (и думаю, что это чувствуют все), как многим каждый из нас обязан этому мифологическому обществу – “Серапионовы братья”. Сомнительно, конечно, что это – история литературы. Но, во всяком случае, это – история человеческой дружбы. Меня эта дружба очень часто и очень щедро питает» [Литературное наследство, 1963, Т. 70, с. 500].

Со временем от традиционных серапионовских встреч осталось только обыкновение отмечать годовщину со дня основания. Несмотря на то, что обычно такие празднования отмечались в узком кругу, даже много лет спустя они были отмечены особенно теплой атмосферой. При невозможности встретиться «братья» всегда старались поздравить друг друга с этой «незабываемой», по словам Федина, датой. В письмах, связанных с юбилейными годами, встречаются размышления, связанные с осмыслением истории и значения группы. Например, в письме Никитину 1 февраля 1941 г. Федин пишет: «Дорогой Коля, поздравляю тебя с серапионовской годовщиной – самой торжественной из бывших до сего дня – XX-й! Тысяча наилучших пожеланий к предстоящим ... десятилетиям. О вечности я уже не говорю, – она дается нам легче, чем дались прошедшие десятилетия. Тем более, что печатают нас ... для вечности» [Федин, 1986, Т. 11, с. 191]. Пафос поздравления нивелируется описываемой далее историей с полученным Фединым хвалебным отзывом на роман «Санаторий Арктур». Читатель из маленького провинциального городка, описывая внешний облик книги, замечает: «Бумага грубовата для читателя. Для вечности хороша» [Федин, 1986, Т. 11, с. 191]. Или в письме Иванову от 27 января 1961 г.: «Все еще ничего нет по-настоящему написанного о серапионах – никто не хочет или не может сказать о них то, чем они были или остаются в литературе. Но идет время, идут, уходят и приходят люди и ... рождается историк, который поймет, что такое 1-е февраля 1921 года!» [Константин Федин и его современники, 2016, с. 324].

¹⁴ Керн Г. Лев Лунц, Серапионов брат. Манчестер. Апрель 1965 г. / Перевод А. Приходько. Машинописная копия диссертации для служебного пользования // ГМФ 15174.

Известно, что Федин читал исследовательские работы, посвященные литературе 1920-х гг., где упоминались Серапионовы братья. Центром изучения в этих работах становилась фигура Горького, его влияние на молодых писателей. Так, записывая в дневнике свои размышления о книге К. Д. Муратовой «Горький в борьбе за развитие советской литературы» (1958), Федин особо отмечает мысль автора о том, что забота Горького о молодых писателях была «своеобразным сражением за становление новой советской литературы» [Муратова, 1958, с. 144]. На это он обращает внимание в письме, написанном Муратовой 23 мая 1958 г.: «Убежден, что основа предложенной Вами концепции совершенно верна. Конечно, в первые два-три года существования кружка <...> дело шло о борьбе за *серапионов*, а не о борьбе с *серапионами* (курсив автора – М. Г.). Когда победа вполне выяснилась, то есть когда старой литературе сделалось очевидно, что серапионы за ней не пойдут <...>, – вот тогда, пожалуй, началась борьба... с серапионами. <...> Впрочем, также и борьба старой литературы с серапионами началась тогда же: за серапионов ей было бороться уже поздно» [Федин, 1986, Т. 11, с. 391–392]. Здесь же в качестве антипримера Федин приводит напечатанную в газете «Литература и жизнь» статью «Факты и иллюзии», в которой автор под псевдонимом «Литературовед» пытается в качестве очернения Вс. Иванова использовать его участие в группе «Серапионовы братья». Данная автором оценка, по словам Федина, «состоит в провозглашении “правды об историко-литературном процессе, в котором некогда копошились чуждые, тормозившие его развитие группировки, вроде ОПОЯЗа, Серапионовых братьев и т.п.” <...> Видимо, такую подлинность истории наше литературоведение не собираются никому уступать, но будет отстаивать вопреки фактам» [Федин, 1986, Т. 11, с. 392].

В творческой и личной биографиях Федина литературная группа «Серапионовы братья» занимала значительное место, и это нашло отражение в эго-документах писателя. С первых дней пребывания в кругу серапионов Федин постоянно размышлял о сообществе и его роли в истории литературы, о том, как они воздействуют на его собственное творчество, о совпадении или несовпадении его личных воззрений с основополагающей идеей группы. Расходясь с «западным крылом» серапионов во взглядах на формальные поиски и пути развития русской литературы, он выделял и разделял главные идеи Братства – свободу творчества и серьезное отношение к искусству. Для Федина также очень важна была сама идея объединения молодых писателей. Хотя он и не воспринял идеальное видение «братства» в таком формате, как его транслировал Лунц, глубокая, пусть не родственная, привязанность и дружеская близость со многими серапионами до конца жизни писателя оставались ярким ценностным ориентиром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Елина, Е. Г.** Лев Лунц: опыт реконструкции литературно-критического мышления / Е. Г. Елина // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. – Саратов: Орион, 2011. – С. 24–30.

2. **Коновалова, Л. Ю.** «В великом городе, в великое время мы нашли друг друга...» (Из истории литературного братства) / Л. Ю. Коновалова // Творческая биография писателя в контексте эпохи. Фединские чтения. Выпуск 4. – Саратов: Новый ветер, 2010. – С. 77–87.
3. **Коновалова, Л. Ю.** Возрождение Серапионова братства... (На материале эго-документов К.А. Федина 1929–1931-х годов) / Л. Ю. Коновалова // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества: Материалы Всероссийской научной конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2021. – С. 48–57.
4. **Коновалова, Л. Ю.** Серапионовы братья: миф и мифологема / Л. Ю. Коновалова // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы. – Саратов: «Орион», 2011. – С. 242–250.
5. **Константин Федин и его современники:** Из литературного наследия XX века. Кн. 1. – Москва: ИМЛИ РАН, 2016. – 680 с.
6. **Константин Федин и его современники:** Из литературного наследия XX века. Кн. 2. – Москва: ИМЛИ РАН, 2018. – 768 с.
7. **Литературное наследство.** Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / [ред. И. С. Зильберштейн и Е. Б. Тагер ; вступ. статья Л. И. Тимофеева]. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 736 с.
8. **Лунц, Л. Н.** «Обезьяны идут!» Собрание произведений. Сост., подг. текстов, комм., указатели, послесловие Е. Леминга. Вст. ст. В. Шубинского / Л. Н. Лунц. – Санкт-Петербург: ООО «Инапресс», 2003. – 752 с.
9. **Лунц, Л. Н.** Почему мы Серапионовы братья / Л. Н. Лунц // Литературные записки. – 1922. – № 3. – С. 30–31.
10. **Муратова, К. Д. М.** Горькой в борьбе за развитие советской литературы / К. Д. Муратова. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 488 с.
11. **Панаев, И. И.** Литературные воспоминания / Вступ. ст. и комм. И.Г. Ямпольского / И. И. Панаев. – Москва: Правда, 1988. – 472 с.
12. **«Свела нас Россия».** Переписка К.А. Федина и И.С. Соколова-Микитова. 1922–1974 / Под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Москва: Тов-во научных изданий КМК, 2008. – 482 с.
13. **«Серапионовы братья» в зеркалах переписки /** вступ. ст., сост. коммент., аннот. Указ. Е. Лемминга. – Москва: Аграф, 2004. – 544 с.
14. **Федин, К. А.** Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / Публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина, комм. В. В. Перхина / К. А. Федин // Русская литература. – 1992. – № 4. – С. 157.
15. **Федин, К. А.** Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968 / К. А. Федин. – Москва: Художественная литература, 1986. – 623 с.

16. **Федин, К. А.** Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1909–1977. – Москва: Художественная литература, 1986. – 518 с.

17. **Форш, О. Д.** Сумасшедший корабль / О. Д. Форш. – Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1931. – 186 с.

18. **Фрезинский, Б. Я.** Судьбы Серापиевых. Портреты и сюжеты / Б. Я. Фрезинский. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. – 592 с.

REFERENCES

1. **Elina, E. G.** Lev Lunc: opyt rekonstrukcii literaturno-kriticheskogo myshleniya / E. G. Elina // Serapionovy brat'ya: filosofsko-esteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty. – Saratov: Orion, 2011. – S. 24–30.

2. **Fedin, K. A.** Iz trekh petrogradskih dnevnikov 1920–1921 godov / Publ. N. K. Fedinoj i V. V. Perhina, komm. V. V. Perhina / K. A. Fedin // Russkaya literatura. – 1992. – № 4. – S.157.

3. **Fedin, K. A.** Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12. Dnevniki i zapisnye knizhki 1928–1968 / K. A. Fedin. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986. – 623 s.

4. **Fedin, K. A.** Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 11. Pis'ma 1909–1977 / K. A. Fedin. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986. – 518 s.

5. **Forsh, O. D.** Sumasshedshij korabl' / O. D. Forsh. – Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1931. – 186 s.

6. **Frezinskij, B. Ya.** Sud'by Serapionov. Portrety i syuzhety / B. Ya. Frezinskij. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2003. – 592 s.

7. **Konovalova, L. Yu.** Serapionovy brat'ya: mif i mifologema / L. Yu. Konovalova // Serapionovy brat'ya: filosofsko-esteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty. K 90-letiyu obrazovaniya literaturnoj grupy. – Saratov: Orion, 2011. – S. 242–250.

8. **Konovalova, L. Yu.** Vozrozhdenie Serapionova bratstva... (Na materiale ego-dokumentov K. A. Fedina 1929–1931-h godov) / L. Yu. Konovalova // Serapionovy brat'ya: Vzgl'yad iz XXI veka. K 100-letiyu literaturnogo sodruzhestva: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Saratov: IC «Nauka», 2021. – S.48–57.

9. **Konovalova, L. Yu.** «V velikom gorode, v velikoe vremya my nashli drug druga...» (Iz istorii literaturnogo bratstva) / L. Yu. Konovalova // Tvorcheskaya biografiya pisatelya v kontekste epohi. Fedinskie chteniya. Vypusk 4. – Saratov: Novyj veter, 2010. – S. 77–87.

10. **Konstantin Fedin i ego sovremenniki:** Iz literaturnogo naslediya XX veka. Kn. 1. – Moskva: IM LI RAN, 2016. – 680 s.

11. **Konstantin Fedin i ego sovremenniki:** Iz literaturnogo naslediya XX veka. Kn. 2. – Moskva: IM LI RAN, 2018. – 768 s.

12. **Literaturnoe nasledstvo**. T. 70. Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska / [red. I. S. Zil'bershtejn i E. B. Tager ; vstup. stat'ya L. I. Timofeeva]. – Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. – 736 s.

13. **Lunc, L. N.** «Obez'yany idut!» Sobranie proizvedenij. Sost., podg. tekstov, komm., ukazateli, posleslovie E. Leminga. Vst. st. V. Shubinskogo / L. N. Lunc. – Sankt-Peterburg: OOO «Inapress», 2003. – 752 s.

14. **Lunc, L. N.** Pochemu my Serapionovy brat'ya / L. N. Lunc // Literaturnye zapiski. – 1922. – № 3. – S. 30–31.

15. **Muratova, K. D. M.** Gor'koj v bor'be za razvitie sovetskoj literatury / K. D. Muratova. – Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 488 s.

16. **Panaev, I. I.** Literaturnye vospominaniya / Vstup. st. i komm. I. G. Yampol'skogo / I. I. Panaev. – Moskva: Pravda, 1988. – 472 s.

17. **«Svela nas Rossiya»**. Perepiska K. A. Fedina i I. S. Sokolova-Mikitova. 1922–1974 / Pod red. I. E. Kabanovoj, I. V. Tkachevoj. – Moskva: Tov-vo nauchnyh izdanij KMK, 2008. – 482 s.

18. **«Serapionovy brat'ya» v zerkalah perepiski** / vstup. st., sost. komment., annot. Ukaz. E. Lemminga. – Moskva: Agraf, 2004. – 544 s.